

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Газета выходитъ разъ въ недѣлю. Годовая цѣна—3 р. 50 к. съ достав. и пересыл. 4 р. 50 к.; полугод. 2 р., съ достав. и пер. 2 р. 50 к.; за три мѣс. 1 р., съ дост. и пер. 1 р. 30 к.; за 1 мѣс. 40 к., съ дост. и пер. 50 к. Отдѣльные №№ по 10 к. Объявленія за строку, или мѣсто строки, за 1 разъ—10 к., за 2 раза—18 к., за 3 раза—24 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи—на Донской улицѣ, въ квартирѣ протоіерея Рязположенской церкви В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Ферантова и Соловьева.

Содержаніе. Воскресныя бесѣды. Бесѣда пятидесятая. Изреченіе Іисуса Христа о растеніи, не отъ Бога насажденномъ. **Внутренній отдѣлъ.** Пребываніе Государя Императора въ Москвѣ. Къ празднованію годовщины московской духовной семинаріи. Рѣчь преосвященнаго Амвросія воспитанникамъ семинаріи. Сорокодневное поминовеніе княгини Е. П. Долгоруковой. Слово произнесенное при поминовеніи. Протоіерей Я. Д. Головинъ. (Некрологъ). Отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Отъ отдѣла распространенія духовнонравственныхъ книгъ. Опечатки. Объявленія.

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ.

БЕСѢДА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Изреченіе Іисуса Христа о растеніи, не отъ Бога насажденномъ (Мѣ. 15, 13).

Господь Іисусъ Христосъ неоднократно, братіе, обличалъ современныхъ Ему фарисеевъ за то, что они, лицемеры, лишь показывали себя благочестивыми, не будучи таковыми въ душѣ, для чего очень строго исполняли только такія предписанія закона, которыя касаются тѣла, и выдумали даже много такихъ обычаевъ, которыя исполняются только внѣшне, а дѣйствительныхъ заповѣдей Божіихъ не исполняли. Когда однажды Господь такъ обличалъ ихъ за это, они соблазнились Его ученіемъ. Ученики же Господа, замѣтивъ это, сказали Ему: „знаешь ли, что фарисеи, выслушавъ слово Твое, соблазнились?“ Но Господь сказалъ имъ въ отвѣтъ: „всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится. Оставьте ихъ“.

Въ этомъ изреченіи растеніемъ, которое не Отецъ Небесный насадилъ, Господь называетъ ученіе фарисейское. Фарисеи учили многому такому, что вовсе не заключалось въ словѣ Божіемъ. Были даже и такія правила жизни измышлены ими, которыми искажалось слово Божіе; для того эти правила и были придуманы фарисеями, чтобы можно было обойти исполненіе дѣйствительныхъ заповѣдей Божіихъ. Такъ, напримѣръ, законъ Божій учитъ, что должно почитать родителей и помогать имъ въ ихъ нуждахъ. Что кажется, можетъ быть яснѣе этой заповѣди Божественной? Но фарисеи нашли возможнымъ дозволить себѣ и другимъ не исполнять иногда даже и эту заповѣдь. Они говорили: любовь къ Богу есть высшая добродѣтель и обязанность, нежели любовь къ родителямъ; поэтому, если бы кто отдалъ или обѣщавъ отдать Богу, въ храмъ, тотъ даръ, который слѣдовало бы отдать отцу или матери, тотъ избавлялся бы отъ обязанности помогать родителямъ. Видите, какъ очевидно и какъ однако не согласно со Словомъ Божіимъ

было ученіе фарисейское. Очевидно, это не есть ученіе Отца Небеснаго, не только въ томъ смыслѣ, что оно не заключено въ Писаніи, но и въ томъ, что оно не могло быть внушено человѣку отъ Бога. Это было чисто человеческое ученіе, противное ученію Божественному. И вотъ о немъ-то Господь говоритъ, что не только оно, но и всякое чисто человеческое ученіе, — „всякое растеніе, которое не Отецъ Небесный посадилъ, — искоренится“. Только истина Божія вѣчна; ее не одолѣютъ и врата адовы. Сколько было и есть противниковъ истинны и вѣры Христовой? Какіе способы ими не периспытаны, чтобы уничтожить истинную вѣру? Но истина Божія стоитъ непоколеблемо и неизмѣнно и будетъ стоять такъ до скончанія вѣка! А ученія человеческія? Они такъ часто мѣняются, что должны считать время своего существованія днями. Но какъ бы иное ученіе человеческое ни казалось твердо установившимся, господствующимъ, — оно непременно искоренится, если въ корнѣ, въ основаніи своемъ оно не имѣетъ слова Божія, какъ уничтожается дерево, посаженное безъ корня.

Но почему же Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: „оставьте ихъ“, фарисеевъ? Что это значить? Ученики Христовы, замѣтивъ, какъ фарисеи соблазнились ученіемъ Господа, не только сожалѣли о нихъ, но и нѣсколько въ душѣ смущались тѣмъ, что вразумляющее слово Господа кончилось не вразумленіемъ заблуждающихся, а еще большимъ ихъ ожесточеніемъ. Имъ думалось, что истина Христова непременно должна побѣдить ложь человеческую, потому что въ противномъ случаѣ ложь какъ будто торжествуетъ надъ истиною, оставаясь не опровергнутою для заблуждающихся. Вотъ эту-то заботу о фарисеяхъ Господь и велитъ оставить ученикамъ. Ученіе фарисейское, говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ, непременно падетъ; истина Моя непременно восторжествуетъ, — объ этомъ вы не беспокойтесь; а фарисеевъ непременно вразумитъ не заботьтесь: „они слѣпые вожди слѣпыхъ“ — настолько ослѣплены своими пороками и заблужденіями, что никакое вразумленіе на нихъ не подѣйствуетъ.

Такъ и мы, братіе, должны относиться къ врагамъ истины и вѣры Христовой. Сожалѣть ихъ отъ всего любящаго сердца, молиться Богу о ихъ вразумленіи, даже принимать, по примѣру Самого Спасителя, всѣ мѣры къ ихъ вразумленію—должно; это обязанность каждаго истиннаго христіанина. Но не будемъ безпокоиться за истину Христову, если наши вразумленія не подѣйствуютъ на заблуждающихся; будемъ помнить обѣтованіе Спасителя: „созижду церковь Мою, которую не одолѣютъ и врата адовы“. А относительно лжеученія враговъ нашей вѣры будемъ увѣрены, что „всякое растеніе, которое не Отецъ Небесный насадилъ, искоренится“. Аминь.

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ.

19 ноября, въ 10 часовъ вечера, въ Москву прибылъ Государь Императоръ. Едва настали сумерки, какъ съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ города начали стекаться народныя толпы. Въ несмѣтномъ множествѣ наполняли онѣ улицы по всему пути слѣдованія Государя, особенно улицы примыкающія къ Бурской станціи, и площадь у Иверской часовни. Бурская станція блистала великолѣпною иллюминаціей; развѣвались тысячи національныхъ флаговъ. Его Величество, по выходѣ изъ вагона, въ сопровожденіи московскаго генераль-губернатора, выѣзжавшаго для встрѣчи Его Величества въ Серпуховѣ, былъ встрѣченъ военными и высшими гражданскими чинами. Принявъ почетный караулъ отъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка со знаменемъ и поздравившись съ собравшимися на станціи офицерами отъ всѣхъ частей расположенныхъ въ Москвѣ войскъ, Его Величество направился къ Кремлю. Невозможно описать взрыва народнаго энтузіазма при видѣ Государя. Толпы заколебались порывисто и громовое ура пронеслось по Москвѣ. Весь путь отъ Бурской станціи до Кремля былъ блистательно иллюминированъ; одно за другимъ вспыхивали электрическія солнца, множество транспарантовъ сіяли тысячами огней, которыми унизаны были почти всѣ дома. Безчисленные національные флаги, развѣвавшіеся въ этомъ яркомъ освѣщеніи, придавали особенную торжественность картинѣ. У Иверской часовни, противъ зданія Историческаго Музея, пылала безчисленными разноцвѣтными огнями арка съ вензелемъ Государя Императора, гербомъ Московской губерніи и съ огненною надписью вверху: *Божес, Царя храни!* Надъ аркой развѣвались національные флаги. Площадь была ослѣпительно освѣщена электрическими солнцами и сплошь залита народомъ. Едва появилась коляска Государя, воздухъ потрясъ отъ народныхъ кликовъ, шапки полетѣли вверхъ. Государь вышелъ изъ коляски и приложился къ чудотворной иконѣ Богоматери. Лишь только Его Величество направился въ Кремль, какъ Красная площадь вспыхнула яркимъ заревомъ отъ бенгальскихъ огней.

Долго потомъ народъ не расходился по домамъ, и городъ оглашался его восторженными кликами.

20-го ноября къ 11 часамъ залы Кремлевскаго дворца наполнились всеми чинами и представителями всѣхъ сословій столицы. Площадь предъ дворцомъ была покрыта народомъ. Въ 12 часовъ послѣдовалъ Высочайшій выходъ. Вдругъ заколыхалась масса наполнявшая громадную Георгіевскую залу. Показался Государь Императоръ. При поднесеніи хлѣба-

соли городскимъ головой, Его Величество изволилъ остановиться и произнести слѣдующія слова:

«Я весьма радъ, что могу лично повторить Мое сердечное спасибо всѣмъ сословіямъ Москвы за благотворительную ихъ дѣятельность во время минувшей войны. Благородному примѣру вашему послѣдовала вся Россія. Надѣюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени окончательный миръ съ Турціей будетъ подписанъ. Благодарю васъ также за чувства преданности, выраженные Мнѣ по случаю грустныхъ событій въ Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи. Вполнѣ вѣрю искренности этихъ чувствъ и не сомнѣваюсь, что, когда Меня не станетъ, вы перенесете ихъ Сыну Моему и Его Наслѣднику.»

«Да хранитъ Васъ Богъ, Государь!» «Многая лѣта!» «Ура!» раздалось въ залѣ.

Его Величество, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, изволилъ продолжать:

«Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ, и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше Отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обеспечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ.»

Все это множество лицъ благоговѣнно внимавшихъ Государю, слилось при этихъ словахъ въ одинъ неудержимый откликъ; все устремилось во слѣдъ Его Величеству, и потомъ смѣшалось съ народомъ, наполнившимъ площадь предъ дворцомъ, по которой Государь Императоръ продолжалъ свое шествіе въ Успенскій соборъ и затѣмъ въ Чудовъ монастырь.

Во вратахъ собора Его Величество былъ встрѣченъ многочисленнымъ духовенствомъ съ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ, во главѣ, который привѣтствовалъ Государя Императора слѣдующимъ словомъ:

«Благочестивѣйшій Государь!»

«Господь даровалъ Москвѣ радость привѣтствовать Тебя, увѣчаннаго новымъ вѣникомъ человеколюбія и славы.

«Всѣ мы мыслию и сердцемъ слѣдовали за Тобою въ трудное время Твоего подвига для освобожденія страждущихъ христіанъ Востока. Мы трепетали за Твое здравіе среди множества опасностей, такъ долго Тебя окружавшихъ. Мы молились о преодолѣніи встрѣченныхъ Тобою затрудненій и препятствій. Мы несказанно радовались и благодарили Бога за Твои блистательныя побѣды.

«Великое дѣло совершилъ Ты, Государь. Нынѣ молимъ мы Господа, да ниспошлетъ Тебѣ утѣшеніе—высшее утѣшеніе душъ великихъ—видѣть совершенно благоустроенными и счастливыми всѣхъ тѣхъ за кого Ты подвизался.»

Въ 2 часа пополудни Государь Императоръ посѣтилъ Маринскій благотворительный пріютъ Братолюбиваго Общества, гдѣ былъ встрѣченъ московскимъ генераль-губернаторомъ, предсѣдательницей Общества княгиней Н. Б. Трубецкой и многими членами Общества. При входѣ въ одинъ изъ открытыхъ въ нынѣшнемъ году домовъ для семействъ убитыхъ воиновъ, домъ имени Его Величества, Государю Императору поднесена была хлѣбъ-соль, причемъ воспитанниками Наблковскаго училища былъ пропѣтъ народный гимнъ. Затѣмъ Государь Императоръ осматривалъ квартиры въ которыхъ

помѣщаются вдовы убитыхъ воиновъ, и милостиво разспрашивалъ ихъ о службѣ ихъ мужей и въ какомъ дѣлѣ они были убиты. Предсѣдательница Общества имѣла счастье доложить Государю Императору что въ ознаменованіе прибытія Его Величества въ Москву, сдѣланы еще новыя пожертвованія для постройки въ томъ пріютѣ двухъ новыхъ домовъ: одно отъ Ярославскаго фабриканта Лопалова и другое отъ жены коммерціи совѣтника Малкель. Его Величество поблагодарилъ за это благое дѣло. Пожелавъ преуспѣанія пріюту, Государь Императоръ сѣлъ въ коляску, пригласивъ съ собою князя В. А. Долгорукова, съ которымъ и изволилъ отправиться въ первую военную гимназію, въ Лефортовѣ.

Съ наступленіемъ вечера многочисленныя толпы народа направились по освѣщеннымъ иллюминаціей улицамъ на площадь предъ домомъ генералъ-губернатора, гдѣ надъ параднымъ подъездомъ возвышалась убранныя зеленью триумфальная арка, а среди площади громадный щитъ съ вензелемъ Государя, пылавшій безчисленными разноцвѣтными огнями. По обѣимъ сторонамъ щита развѣвались національные флаги, а на вершинѣ его были водружены нѣсколько громадныхъ штандартовъ. Триумфальная арка еще оставалась въ тѣни. Вся обширная площадь уже задолго до десяти часовъ была сплошь занята народомъ. Приблизилось время прибытія Государя Императора. Домъ генералъ-губернатора мгновенно вспыхнулъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ; по газовымъ рожкамъ на аркѣ забѣгали огоньки и на вершинѣ ея запылалъ государственный гербъ, надъ которымъ возносились бѣлая вершина креста, а подъ нимъ, подпираемая двуглавымъ орломъ, выдѣлялась темная, померкшая луна. По большому полукругу, составлявшему вершину арки и пьедесталъ для государственнаго герба, между двухъ огненныхъ линий, ярко выдѣлялись на общемъ фонѣ изъ зелени именовавія мѣстностей, ознаменованныхъ событіями минувшей войны. Надписи были сдѣланы бѣлыми буквами на широкой лентѣ національныхъ цвѣтовъ. Подъ самымъ гербомъ, на серединѣ полукруга, видѣлось: *Зимница, Парадимъ и Горній Студень*, затѣмъ *Плевна, Шипка, Карсъ, Балзидъ, Иванъ-Чифликъ, Мечка и Тростяникъ* и названія мѣстностей другихъ побѣдъ, которыя оканчивались на нижнемъ лѣвомъ краѣ словами: *Горный Дубнякъ*, на правомъ: *Переходъ за Балканы*. Въ центрѣ полукруга былъ изящно собранъ изъ зелени вензель Государя. Двѣ высочія колонны, обвитыя зеленью, поддерживали арку; на каждой изъ колоннъ было по государственному гербу съ надписями, на правомъ изъ нихъ, дня объявленія войны: *12-го апрѣля 1877 г.*, а на лѣвомъ, — дня заключенія Санъ-Стефанскаго мира: *19-го февраля 1878 г.* Гербы были украшены національными флагами. Вся арка была убрана гирляндами изъ зелени ели, а по бокамъ ея зеленѣли цѣлыя елки, среди ослѣпительнаго освѣщенія выдѣлявшіяся особенною свѣжестью и производившія на зрителя пріятное впечатлѣніе. Устройство арки, исполненное столь изящно, было дѣломъ архитектора *Ф. К. Мельгрена*.

На балконѣ дома, о который упиралась арка, весь вечеръ горѣли двѣ электрическія свѣчи Яблочкова.

Толпы народа все увеличивались предъ домомъ. Въ 10 часовъ трудно было пробиться не только на площадь, но и по прилегающимъ къ ней улицамъ. Ровно въ полчаса 11 отдаленные клики возвѣстили прибытіе Государя. Вся площадь заколебалась, и громовое *ура* огласило воздухъ. Хоръ музыки Несвижскаго полка, находившійся противъ дома, заигралъ

народный гимнъ, и клики народа слились съ его торжественными звуками. Головы обнажились. Встрѣченный генералъ-губернаторомъ внизу парадной лѣстницы, Государь Императоръ вступилъ въ залы.

Парадная лѣстница и залы роскошно были убраны тропическими растеніями и цвѣтами. На верхней площадкѣ лѣстницы, противъ дверей въ пріемную, статуя побѣды простирала правую руку съ лавровымъ вѣнкомъ, а въ лѣвой держала палму мира. Надъ дверью въ пріемную комнату рельефно выдѣлялся на свѣтломъ фонѣ изъ національныхъ флаговъ государственный гербъ. Большая зала была убрана еще роскошнѣе. Бюстъ и портретъ Государя Императора изящно обвиты зеленью и гирляндами живыхъ цвѣтовъ. Въ простѣнкахъ между колоннъ медальоны съ надписями о блистательнѣйшихъ побѣдахъ русскіхъ войскъ.

Государь Императоръ удостоилъ многихъ Своимъ милостивымъ словомъ и пребылъ на раутѣ болѣе часа.

21 ноября, съ 9 часовъ утра, многочисленныя толпы народа стали наполнять улицы, примыкающія къ Театральной площади, на которой въ 10 часовъ уже построились для Высочайшаго смотра всѣ квартирующія въ Москвѣ войска (гренадеры и Сумскіе гусары) и воспитанники Александровскаго Училища. Ровно въ 12 часовъ восторженное *ура* возвѣстило прибытіе Государя. Его Величество, объѣхавъ ряды войскъ, пропустилъ ихъ мимо Себя по баталіонно, затѣмъ изволилъ вызвать георгиевскихъ кавалеровъ изъ рядовъ и благодарилъ ихъ за доблестную службу. Высочайшей благодарности удостоились всѣ офицеры. Государь Императоръ остался доволенъ бодрымъ молодецкимъ видомъ войскъ. Сейчасъ же послѣ смотра, офицеры и по 32 человекъ бывшихъ на войнѣ нижнихъ чиновъ изъ каждой роты направились въ зданіе Экзерциргауза, гдѣ отъ города были приготовлены обѣденные столы. Экзерциргаузъ въ какіе-нибудь четыре дня совершенно преобразился. Тропическія растенія, гирлянды изъ зелени, весьма изящно сдѣланныя декоративныя украшенія со множествомъ щитовъ съ арматурами, съ рядами громадныхъ національныхъ штандартовъ и флаговъ, при ослѣпительномъ освѣщеніи безчисленныхъ огней и нѣсколькихъ электрическихъ солнцъ, производили на зрителя чарующее впечатлѣніе. Не посредственно у параднаго входа, надъ которымъ были устроены хоры для гласныхъ Думы и музыкантовъ, возвышалась эстрада съ рядами столовъ для офицеровъ; далѣе, у самой церкви, на особой эстрадѣ, поднимавшейся пятью ступенями надъ первою, помѣщался Царскій столъ на 63 куверта. Сзади стола и прямо противъ его середины, въ густой зелени, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ увѣнчаннымъ короной, на красномъ фонѣ видѣлся большой государственный гербъ, обозначающій Царское мѣсто, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены арматурные щиты съ національными флагами и орлами. По обѣимъ сторонамъ, внизу эстрады, вплоть до дверей зданія, девятью рядами тянулись солдатскіе столы, съ простирившимися надъ ними зелеными гирляндами и безчисленными вверху огнями. У стѣнъ, освѣщенныхъ по карнизамъ рядами свѣчъ, были устроены мѣста для публики. Въ 2½ часа Его Величество, при громкихъ кликахъ собравшейся вокругъ зданія народной толпы, былъ встрѣченъ у входа городскимъ головой, потомъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Московскаго военнаго округа, и въ сопровожденіи блестящей свиты обошелъ

ряды солдатъ, выстроившихся у своихъ столовъ, послѣ чего изволили пройти къ Императорскому столу. По правую руку Государя императора занялъ мѣсто генераль-губернаторъ, по лѣвую—командующій войсками Московскаго военнаго округа. Во все время обѣда играла музыка.

Первый тостъ, за здоровье Его Императорскаго Величества, былъ провозглашенъ московскимъ генераль-губернаторомъ и встрѣченъ былъ восторженнымъ ура всѣхъ присутствовавшихъ.

Его Величество изволило милостиво благодарить.

Второй тостъ былъ провозглашенъ московскимъ генераль-губернаторомъ за здоровье побѣдоноснаго Россійскаго воиска. Затѣмъ Его Величество, вставъ съ мѣста, изволило сказать:

«Я, какъ бывший Главнокомандующій славныхъ гвардейскихъ и грендерскаго корпусовъ, отъ имени послѣдняго, угощаемого нынѣ Московскимъ городскимъ обществомъ, пью за благоденствіе города Москвы».

Обратившись къ городскому головѣ, Его Величество изволило прибавить что благодарить городъ Москву за радушный приемъ.

При отъѣздѣ, Государь Императоръ изволило сказать, собравшимся около Его Величества офицерамъ:

«Благодарю васъ за молодецкую службу на войнѣ и за то что такъ хорошо представились Мнѣ сегодня на смотру. Среди васъ, представителей славнаго грендерскаго корпуса въ Москвѣ, Я припоминаю счастливѣйшее время Моего командованія грендерами».

Послѣ отъѣзда Государя Императора обѣдъ продолжался еще около часа времени. Городскимъ головой былъ прочитанъ слѣдующій адресъ городского общества полкамъ грендерскаго корпуса:

«Доблестные воины!

«Московское городское Общество, встрѣчая царственнаго Вождя въ первый разъ по возвращеніи Его съ поля брани, пожелаю раздѣлить свою радость съ вами, сподвижниками и опорой Его славы.

«Бьемъ челомъ вамъ хлѣбомъ да солью за вашу вѣрную службу Царю, за всѣ труды ваши во славу Земли Русской и Вѣры Православной.

«Въ лицѣ вашемъ Москва чувствуетъ все Русское православное воинство—гордость Русскаго народа.

«Неисчислимы всѣ подвиги, совершенные вами и братьями вашими за Дунаемъ и въ Малой Азіи. Плевна, Карсъ, Авліаръ, Аладжа, Ягны—вотъ имена которыя и вы своею кровью запечатлѣли на вѣки.

«Русское воинство, вышедшее изъ нѣдръ обновленной Россіи, доказало на дѣлѣ что въ немъ живъ тотъ духъ самотверженія, мужества и великодушія, которымъ ознаменовали себя предки ваши.

«Да живетъ же слава Русскаго оружія изъ вѣка въ вѣкъ, и одушевляетъ она всегда Русскихъ людей на такую же доблесть, какую мы нынѣ чувствуемъ въ лицѣ вашемъ!

«Да здравствуетъ доблестное Русское воинство!»

Заключительныя слова адреса были покрыты отвѣтнымъ ура грендеровъ. Офицеры, собравшіеся въ кружокъ высказывали около городского головы, ему и всему городскому обществу искреннюю благодарность. Каждому полку были вручены отдѣльные экземпляры адреса въ великолѣпныхъ бархатныхъ переплетахъ. Затѣмъ были провозглашены тосты въ

честь генераль-губернатора, командующаго войсками Московскаго военнаго округа и присутствовавшаго на обѣдѣ героя минувшей войны генераль-адъютанта Ганецкаго.

Государь Императоръ изволило выѣхать изъ Москвы въ девятомъ часу вечера. Московскій генераль-губернаторъ сопровождалъ Его Величество до Клина.

Къ празднованію годовщины Московскою Семинаріею. Речь воспитанникамъ Московской Духовной Семинаріи, произнесенная преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ, по случаю празднованія годовщины открытія семинаріи, 8 ноября.

Любезные юноши!

Въ молодости всѣ мы любимъ уноситься мыслію за предѣлы школы, въ жизнь общественную, отыскивая себѣ въ шумной толпѣ людской мѣсто для дѣятельности и рисуя въ мечтахъ яркими красками счастливую будущность. Вы знаете что это значить—создавать себѣ идеалы предстоящей общественной жизни и дѣятельности. Знаете также что подъ вліяніемъ господствующихъ идей нашего вѣка эти идеалы у большинства молодыхъ людей не поднимаются высоко надъ землей и облекаются большею частію въ представленія удобствъ, роскоши и наслажденій земной жизни. Даже у многихъ ревнителей общаго блага они ограничиваются планами и проектами общественнаго благоустройства въ смыслѣ пріобрѣтенія для массы тѣхъ же удобствъ жизни.

Судя по христіанскимъ началамъ, на которыхъ зиждется наше воспитаніе и складывается ваше духовное настроеніе, вы не можете, не обманывая самихъ себя, довольствоваться такими идеалами. Благородство сердца, сообщаемое христіанствомъ, побуждаетъ юношу изъ богатства молодыхъ силъ дать вкладъ въ общественную жизнь, а не взять только у нея для себя удобства и наслажденія; сначала внести въ нее свою долю талантовъ, знанія и труда, а не разчитывать напередъ гдѣ лежитъ и у кого могу я взять мою долю тѣхъ средствъ, на которыя пріобрѣтаются наслажденія жизни.

Тѣмъ не менѣе этотъ духъ времени оказываетъ гибельное вліяніе на наши духовно-учебныя заведенія. Наши юноши бѣгутъ на распутія свѣта, дарованія похищаются у церкви. Ея Божественное величіе, ея высокія цѣли, ея внутреннія силы, ея борьба съ духовными врагами человечества, перестаютъ вдохновлять нашихъ молодыхъ людей, и рвеніе, служить высшимъ нравственнымъ интересамъ человечества, у многихъ изъ нихъ замѣняется мелкими, но страстными желаніями изъ скромной среды своего сословія выбиться въ среду людей богатыхъ, нарядныхъ, веселящихся—повидимому, и большею частію только позидимому счастливыхъ.

Правда, быть нашего духовенства съ внѣшней стороны непривлекательнѣе; въ большинствѣ оно бѣдно; улучшеніе быта ему не удастся, но почему не удастся? Не потому ли именно что за это улучшеніе мы не съ того конца беремъ? Мы именно хотимъ отъ народа взять, не заботясь прежде ему дать, то-есть, по слову апостола: *послать въ него духовное, чтобы познать отъ него тѣлесное.* (1 Кор. 9, 11).

Простой народъ нашъ самъ бѣденъ; его сокрушили пороки, его поработили грубыя страсти. Поработаемъ для его духовнаго просвѣщенія, отрезвленія, для исправленія гнетущихъ его недостатковъ, и первая дань его благодарности внутренней и внѣшней будетъ принесена намъ. Но высшее утѣшеніе для общественнаго дѣятеля не въ благодарности тѣхъ кому онъ

служить, а въ сознаниі самого достоинства дѣла. Эта высокая цѣль—послужить духовному возрожденію нашего народа, вывести его изъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту просвѣщенія, изъ темныхъ дебрей расколовъ и сектъ къ единенію въ духѣ вѣры и любви въ лоѣ церкви Христовой—развѣ это не свѣтлая черта для юношескаго идеала, развѣ это не способно вдохновить самую даровитую душу, самое благородное сердце?

Наши передовыя сословія, устремившись съ жаромъ къ научному образованію и углубившись въ направленіи ума и жизни отъ несмущающаго свѣта вѣры и спасительнаго руководства церкви, уже вкусили довольно горькихъ плодовъ отъ древа познанія добра и зла, и въ лучшей своей части ищутъ врачеванія. Указать имъ возможность совѣщенія и внутреннюю связь искренней вѣры со здоровыми научными познаніями, современныхъ усовершенствованій съ вѣчными началами духовной жизни, наслажденій съ добродѣтелью, труда и борьбы съ миромъ сердца—это дѣло наше. И какъ много нынѣ отъ лучшихъ людей нашего образованнаго общества обращено къ намъ вниманія и уваженія! Развѣ это не свѣтлая черта для юношескаго идеала сдѣлать себя достойнымъ этого вниманія, нужнымъ, полезнымъ, желательнымъ для людей лучшихъ, и послужить ихъ истинному благу и счастью? А развѣ не великая идея, не высокая для насъ цѣль содѣйствовать возстановленію въ народѣ Русскомъ той цѣльности, того единства возрѣній и стремленій отъ высшаго слоя до низшаго, какимъ онъ отличался въ старину, съ тою только великою разницей, что это единеніе будетъ основано не на преданіи только и обычаяхъ, какъ было прежде, а на истинномъ просвѣщеніи и сознательномъ убѣжденіи, какъ требуется и какъ возможно нынѣ? О, здѣсь есть чѣмъ вдохновиться, есть за что не только удобствами жизни пожертвовать, но и жизнь положить!

Но кромѣ этихъ предлежащихъ намъ великихъ задачъ, сколько другихъ свѣтлыхъ сторонъ въ нашемъ служеніи! Потрясать сердца человѣчскія силою слова, овладѣвать искреннимъ довѣріемъ и любовью людей, вливать утѣшеніе въ скорбящія души, высвобождать духовныхъ плѣнниковъ изъ рабства страстей, изрекать виновному и унижающему прощеніе и миръ отъ имени Божія,—развѣ это не истинныя утѣшенія, не высокія наслажденія?

Молодость не вѣритъ, что нельзя быть счастливымъ одними внѣшними наслажденіями; она знаетъ не хочетъ, что жизнь коротка, что истинное счастье, или задатки вѣчной жизни, только въ честномъ трудѣ, въ служеніи Богу и благу человѣчества. Но это истины, не отразимыя истины. Какъ убѣдить васъ въ нихъ, какъ привить ихъ къ сердцамъ вашимъ? Только сами вы можете этого достигнуть—ученіемъ, размысленіемъ, а вѣрнѣе всего ежедневнымъ углубленіемъ въ слово Божіе и сердечною молитвою къ Богу.

Слово въ день годовщины Московскій духовной Семинаріи *). «Вникай въ себя и въ ученіе; занимайся симъ постоянно: ибо, такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя» (1 Тимое. 4, 16).—такое наставленіе далъ апостоль Павелъ своему ученику Тимоѳею, котораго онъ, не смотря на его молодость, поставилъ епископомъ церкви Ефесской. Намъ показалось приличнымъ въ годичный праздникъ нашей школы,

которая имѣетъ ближайшимъ и прямымъ своимъ назначеніемъ—воспитаніе и приготовленіе добрыхъ пастырей и служителей церкви Божіей, предложить вниманію, готовящихся къ этому великому и святому служенію, именно это апостольское слово и пригласить ихъ къ размысленію о немъ; потому что въ немъ ясно указаны цѣль ихъ будущаго служенія и вѣрное средство для достиженія этой цѣли. Размышлять же, и развѣ мыслить часто, внимательно и искренно о цѣли той дѣятельности, которую готовится человекъ избрать задачею своей жизни, и посвятить ей все свои силы и способности, и о средствахъ, которыя вѣрно и безошибочно ведутъ къ этой цѣли и естественно, и полезно: такое размысленіе—первое условіе всякаго серьезнаго приготовленія ко всякому дѣлу и лучшей залогъ всякой успѣшной и плодотворной дѣятельности, а слѣдовательно и вамъ предстоящей, воспитанники нашей школы.

Итакъ цѣль вашего будущаго служенія—спасеніе себя и другихъ, кого вы будете призваны учить и руководить,—и если бы кто изъ васъ, совершивши свое служеніе, могъ сказать съ чистою совѣстью, что онъ не только *спасъ*, но и *попечилъ* только спасенію вѣрнѣнныхъ его попеченію людей, что онъ исполнилъ свое назначеніе... «Вникай же въ себя и въ ученіе» слова Божія, о которомъ собственно и говоритъ апостоль, «и заниматься симъ постоянно», это средство для достиженія цѣли,—и средство вѣрное, потому что оно указано апостоломъ. Случалось ли вамъ когда нибудь задумываться надъ этими, въ сущности простыми, истинами?

«Ученіе, заниматься постоянно ученіемъ»—слова, безъ сомнѣнія, слишкомъ хорошо извѣстныя вамъ, для которыхъ и ученіе постоянное и ежедневное дѣло. Но видите ли, что учиться можно различно. Иные смотрятъ на школу только, какъ на неизбѣжное средство пріобрѣсть извѣстныя права и положеніе общественное, какъ на мытарство, мимо котораго не пропускаютъ въ жизнь, и потому ждуть и недождутся того счастливаго часа, когда кончится, наконецъ, для нихъ тяжкое время ученія, и когда они, получивъ отъ школы листъ бумаги извѣстной формы, свидѣтельствующій объ ихъ правахъ въ жизни, перестаютъ вовсе даже и думать о томъ, что имъ говорили и чему учили ихъ въ школѣ, оставляютъ за порогомъ школы все свои знанія и науки, и поскорѣе спѣшатъ вкусить отъ благъ жизни. А можно смотрѣть на школу и на ученіе, какъ на самое удобное, благопріятное и ничѣмъ не замѣнимое послѣ время и средство серьезнаго и совѣстливаго приготовленія къ жизни, чтобы можно было явиться потомъ честнымъ, знающимъ, разумнымъ и энергическимъ дѣятелемъ тамъ, гдѣ кому приведетъ Господь работать и трудиться на обширной жизненной нивѣ. Вы такъ ли смотрите на свою школу и на свое ученіе?... Можно учиться, совершенно холодно, безучастно, поверхностно воспринимая сообщаемыя вамъ знанія; въ головѣ будетъ совершаться извѣстный мыслительный процессъ, состоящій въ различныхъ сочетаніяхъ и перестановкахъ обычныхъ и знакомыхъ понятій и идей, что при частой школьной практикѣ, при извѣстномъ навыкѣ дается довольно легко: мыслительный механизмъ привыкаетъ быстро поворачиваться и усовершенствуется до того, что по мѣрѣ надобности легко, почти механически являются нужныя мысли, облекаются въ приличную фразу, такую же, какую употребляютъ ученые и умные люди,—и человекъ можетъ показаться съ перваго раза и умнымъ и знающимъ, но это не истинное знаніе, и даже—не-знаніе, а часто просто болѣе, или менѣе ист-

*) Произнесено въ семинарской церкви преподавателемъ Семинаріи Н. П. Комаровымъ 8 ноября 1878 г.

куено прикрытое умственное невѣжество и крайняя лѣнь мысли; во всякомъ же случаѣ такое знаніе неизбежно—мертвое и бесплодное, замѣтьте это... А можно учиться, воспринимая ученіе не однимъ холоднымъ дѣйствіемъ разсудка, а и участливо относясь къ нему всѣми силами своей души, всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ, когда слово ученія переживается, такъ сказать, человѣкомъ, и вызываетъ не только дѣятельность ума, но и возбуждаетъ къ себѣ живое чувство сердечное, и, складываясь въ живое нравственное убѣжденіе, дѣйствуетъ на волю человѣка и неизмѣнно выражается во всей его жизни и дѣятельности. Тогда только воспринятое ученіе становится дорогимъ и святымъ для человѣка достоинствомъ, къ которому онъ никогда не позволяетъ ни себѣ, ни другимъ относиться легкомысленно, за которое онъ крѣпко стоитъ, и даже, когда нужно, умираетъ. Вы такъ ли учитесь?... Можно самому учиться различно, можно и другихъ учить тоже различно; и здѣсь уже прямо можно сказать, что успѣхъ учительства много будетъ зависеть отъ того, какъ кто самъ учился. Можно, сдѣлавшись учителемъ, вовсе не чувствовать потребности и охоты учить и наставлять другихъ; непридавать этому дѣлу никакого, или по крайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало значенія; предлагать слово ученія рѣдко, по особымъ только развѣ принудительнымъ, такъ сказать, обстоятельствамъ служенія, когда непривычная мысль съ величайшимъ трудомъ и напряженіемъ измышляетъ предметъ ученія, а непривычное и непослушное слово, въ трудной, не живой, иногда не естественной формѣ выражаетъ предлагаемую мысль. И нѣтъ отъ такого учительства живаго дѣйствія и плода... А можетъ быть учительство и совершенно естественною потребностью человѣка, живо чувствующаго и глубоко убѣжденнаго—выразить въ живомъ словѣ одушевляющія и наполняющія его душу чувства и мысли; можетъ быть оно плодомъ живой и просвѣщенной христіанской любви къ ближнему, чувствующей и потребности, и обязанности научить и вразумить своего ближняго невѣдущаго и заблуждающагося; ко всему этому, наконецъ, учительство можетъ быть слѣдствіемъ ясно сознаваемаго пастырскаго долга руководить и просвѣщать пасомыхъ свѣтомъ истиннаго ученія Христова. Тогда сами собой, безъ всякихъ усилій явятся и предметы и поводы для ученія, тогда само собою явится и слово, можетъ быть, и не краснорѣчивое, но за то живое, искреннее, и потому всегда дѣйственное и плодотворное. Таково ли будетъ ваше учительство когда Господь призоветъ васъ на служеніе своей церкви?...

Вы видите теперь, что къ ученію можно относиться различно: можно и учиться и другихъ учить, *не вникая въ ученіе*, но слову апостольскому. Но апостолъ говоритъ не объ одномъ только ученіи, онъ говоритъ еще *вникая въ себя*. Что значить это?—Видите ли, какъ различно люди учатся, такъ различно и живутъ и ведутъ себя. У многихъ изъ насъ нѣтъ другаго идеала и закона для своей дѣятельности, кромѣ того, «что другіе про насъ скажутъ, какъ другіе посмотрятъ на наши дѣла?» Общественная жизнь вырабатываетъ извѣстный кругъ правилъ и понятій, обнимающихъ и опредѣляющихъ всю внѣшнюю дѣятельность человѣка, начиная отъ покрова платья и внѣшнихъ пріемовъ обращенія, и кончая предметами, о которыхъ, какъ обыкновенно выражаются, принято, или не принято говорить и разсуждать, и тѣми условными понятіями, по которымъ оцѣнивается не только благовоспитанность, но даже,—странно сказать!—и нравственное достоинство человѣка. И вотъ есть люди, и много людей, ко-

торые больше всего боятся этой оцѣнки и этого суда, и всѣми силами стараются исполнить, или по крайней мѣрѣ не нарушить отягчено и рѣзко правилъ поведенія, предписанныхъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ и приличіемъ, если бы правила эти и были иногда даже несогласны съ Божескимъ закономъ и закономъ нашей совѣсти; объ этомъ даже и вопроса не бываетъ.—А бываютъ люди, которые высшіе идеалы и правила для своей дѣятельности полагаютъ не въ измѣннхъ и условныхъ сужденіяхъ міра и общества, а въ томъ истинномъ и вѣчно неизмѣнномъ законѣ нравственномъ, который открытъ людямъ въ ученіи Христовомъ и въ нашей совѣсти. Эти люди строги и внимательны къ своему поведенію, ко всякому даже и маловажному дѣлу; всѣ свои мысли, желанія, намѣренія и дѣйствія они ставятъ прежде всего передъ нелицеприятной и строгій судъ своей совѣсти, внимательно и совѣстно оцѣниваютъ ихъ по внутреннему ихъ достоинству, а вовсе не потому, какъ на нихъ посмотрятъ люди; и этотъ путь постоянного вниманія къ внутреннему міру своей души, постоянного нравственнаго самоиспытанія предъ лицомъ вѣчной правды Божіей, а не случайнаго суда человѣческаго,—есть единственно вѣрное средство нравственнаго самоусовершенствованія.—Точно также и всякое общественное служеніе имѣетъ свой кругъ занятій и обязанностей, болѣе или менѣе точно опредѣленныхъ извѣстнымъ закономъ, уставомъ. Можно ограничиться только внѣшнимъ, формальнымъ исполненіемъ этихъ обязанностей,—и многіе ограничиваются имъ даже въ тѣхъ родахъ служенія,—напр. пастырскомъ, которые по самому существу своему не могутъ быть уложены ни въ какой уставъ, и такую чисто внѣшнюю исправностию заслуживаютъ себѣ иногда даже похвалу и награду; а можно проходить свое служеніе, полагая въ него всю свою душу, отдавая ему все свое усердіе и умѣнье, и по совѣсти, а не уставу, стараясь принести все то добро и благо, которое ожидается отъ нашего служенія... Вы такъ ли ведете себя теперь, приготовляясь къ общественному смиренію, и такъ ли будете дѣйствовать, когда сдѣлаетесь служителями Божіей церкви, или и къ другому служенію призванные? О, если бы такъ!...

И такъ вникайте въ себя и въ ученіе; занимайтесь симъ постоянно: ибо, такъ поступая, и себя спасете и слушающихъ васъ. «*Спасать не только себя, но и другихъ!*» Какое высокое и великое служеніе, на которое возлагается эта обязанность, а вы, братіе, къ этому именно служенію предназначаетесь и готовитесь. Это значить, что вашему попеченію будутъ ввѣрены души человѣческія, а не какое нибудь вещественное благо;—вы призваны будете послужить не временному и преходящему благополучію и счастью человѣческому, но вѣчному блаженству, къ которому предназначена Творцемъ богоподобная и бессмертная душа человѣческая. Поймите же важность такого служенія; чаще размышляйте о немъ, и вы, безъ сомнѣнія, будете строже и внимательнѣе и къ себѣ самимъ и къ ученію. Но этимъ не ограничивается значеніе пастырскаго служенія; оно имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе и для земной человѣческой жизни, чѣмъ это многимъ кажется, и мы, необинуясь, рѣшительно скажемъ, что неустройствъ людямъ своего и земнаго благополучія, если не призваны будутъ къ содѣйствію въ этомъ пастыри церкви, если не будетъ въ дѣлахъ человѣческихъ благословенія и участія св. церкви и религіи.

Наше время богато всякаго рода реформами и предпріятіями—

ми,—и частными, и правительственными; всё онѣ предпринимаются, безъ сомнѣнія, во имя общаго блага, и имѣютъ цѣлью внести въ жизнь разныя улучшения, усовершенствованія. Но всегда ли достигаются эти цѣли? Лучше ли на самомъ дѣлѣ стало жить людямъ? Лучше ли, наконецъ, стали сами люди? На эти вопросы лучше и вѣрнѣе всего отвѣтитъ сама жизнь. Смотрите и судите сами. — Кажется, никто не будетъ спорить, если самую выдающуюся чертою нашего времени мы назовемъ—рѣшительное преобладаніе въ жизни матеріальныхъ интересовъ и общее стремленіе людей къ быстрой наживѣ, скорому приобрѣтенію матеріальныхъ благъ жизни. «Золотой телецъ—общій идолъ нашего времени, которому съ особенною охотою и усердіемъ поклоняются люди; которому очень часто приносятся въ жертву все—и Богъ, и совѣсть, и честь, и общее благо; въ этомъ идолопоклонствѣ, кажется, иные люди даже совсѣмъ потеряли всякія нравственныя понятія, и перестали различать добро и зло. Скажите, ужели это можно назвать *человѣческимъ* усовершенствованіемъ? — Вотъ цѣлый рядъ реформъ, имѣющихъ цѣлью «возбудить общественную самодѣятельность, призвать само общество къ попеченію о своихъ нуждахъ и интересахъ, — а между тѣмъ почти отовсюду слышится жалобы на общее равнодушіе къ дѣламъ общественнымъ; мало этого: нерѣдко избранники общества, которымъ ввѣряется ближайшее попеченіе объ общемъ благѣ, прямо расхищаютъ общественное достояніе, собранное съ величайшимъ трудомъ и лишеніями. — Вотъ еще рядъ учреждений, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать развитію промышленности и торговли, доставлять нужный кредитъ, сохранять и умножать сбереженія труда, — а между тѣмъ не служатъ ли онѣ часто средствомъ обогащенія не многихъ на счетъ и въ ущербъ многимъ,—средствомъ безсовѣстной эксплуатаціи чужаго труда и бѣдности,—наконецъ, благодаря этимъ именно учрежденіямъ, не разоряются ли иногда въ конецъ люди, до вѣрившіе имъ свое послѣднее достояніе, нажитое тяжелымъ, долгимъ, честнымъ трудомъ и обезпечивавшее немощь и старость? — Вотъ, благодаря различнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, приведены въ дѣйствіе новыя и громадныя средства производительности и промышленности, а между тѣмъ всё жалуются на все болѣе и болѣе увеличивающіяся трудности жизни. Тамъ слышится жалобы на общее развращеніе нравовъ, на повальное пьянство, на ослабленіе и распаденіе семейнаго союза, здѣсь совершаются самыя дерзкія преступленія противъ личнаго и имущественнаго права, въ другомъ мѣстѣ распространяются ученія, направленные къ ниспроверженію существующаго порядка государственнаго и общественнаго и т. д., и т. д., — и нѣтъ конца подобнымъ жалобамъ. — Нѣтъ, видно, не стало людямъ жить хорошо, если слышится отовсюду столько жалобъ и недовольства... Гдѣ же причина тѣхъ прискорбныхъ явленій въ жизни, которыя вызываютъ столько справедливыхъ нареканій, и причиняютъ людямъ столько горя и страданій? — Главная причина въ томъ, что сами люди не стали лучшими нравственно, — въ томъ, что въ сознаніи и жизни нашей слабо развиты и дѣйствуютъ нравственныя начала. Всякое улучшение жизни тогда только дѣйствительно и прочно, когда оно основано на началахъ строго-нравственныхъ, когда оно одновременно сопровождается развитіемъ нравственнаго сознанія народнаго, когда оно соединяется съ внутреннимъ нравственнымъ его усовершенствованіемъ,—иначе всякая реформа будетъ одна пустая форма безъ содержанія, — и самое дѣло, жизнь останутся и въ

Новой формѣ тѣже самыя. Это такъ ясно, что не нужно много и доказывать. Вы, конечно, знаете изъ исторіи, что возвышеніе и паденіе государствъ и народовъ всегда шло параллельно съ возвышеніемъ и паденіемъ ихъ нравственной жизни; и когда начиналось нравственное разложеніе народной жизни, тогда не спасали народъ отъ гибели ни какія реформы, никакая цивилизація. И въ самомъ дѣлѣ, что значатъ всякія реформы, если человѣкъ пересталъ быть нравственнымъ? Давайте ему какіе угодно совершенные установленія и законы, онѣ не исполнитъ ихъ,—поставьте его въ самыя благоприятныя условія жизни, дайте ему всё средства къ самой широкой дѣятельности,—онѣ злоупотребитъ ими, и обратитъ ихъ на служеніе низкимъ цѣлямъ и страстямъ. Напротивъ, представьте себѣ общество, въ которомъ каждый руководится въ своей дѣятельности и жизни истинно-нравственными, христіанскими началами (потому что внѣ Христова ученія и нѣтъ истинной нравственности), гдѣ каждый одушевленъ истинною любовію къ ближнимъ, доброжелательствомъ къ нимъ, готовъ не только служить и помогать имъ, но и душу свою положить за нихъ, каждый уважаетъ законъ и правило свои и чужія, каждый усердно и совѣтливо исполняетъ то дѣло и служеніе общественное, къ которому призванъ. Внесите смѣло въ такое общество всякое разумное улучшение и оно осуществится, потому что вы найдете здѣсь главное и первое условіе его успѣха,—людей въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, на недостатокъ которыхъ всюду слышится жалобы, и недостаткомъ которыхъ объясняютъ не успѣхъ самыхъ лучшихъ начинаній и предпріятій.

Итакъ вы видите теперь, что сама жизнь настоятельно требуетъ большаго развитія нравственнаго сознанія народнаго, болѣе сильнаго и энергическаго дѣйствія нравственныхъ началъ, нравственныхъ силъ человѣка, — короче и проще говоря, улучшения и поднятія уровня народной и общественной нравственности. Чье же это дѣло? Чья обязанность? Безъ сомнѣнія первѣе и ближе всѣхъ другихъ—пастырей и учителей церкви Божіей, которые на то и поставлены, чтобы усовершенствовать людей нравственно... Нельзя при этомъ не прибавить, что нашъ народъ—кроткій, добросердечный, терпѣливый, разумный и искренно вѣрующій,—не смотря на свои недостатки, — представляетъ добрую почву для пастырской дѣятельности: Св. вѣра православная — корень и основаніе исторической жизни русскаго народа,—она воодушевляла его на великіе историческіе подвиги, она же спасала и сохраняла его въ годы самыхъ тяжкихъ испытаній историческихъ. Нашъ народъ любитъ свою вѣру и дорожитъ ею больше всего; онъ любитъ, почитаетъ и служителей вѣры и церкви, вполне до вѣряетъ имъ и отъ нихъ именно готовъ и желаетъ учиться больше, и охотнѣе, чѣмъ отъ другихъ, — и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ съ любовію и глубокимъ уваженіемъ встрѣтитъ ихъ, когда они придутъ къ нему съ словомъ наученія, наставленія и просвѣщенія его незнанія, — его темноты духовной, въ которой народъ и самъ такъ охотно и искренно сознается.—Но съ другой стороны нельзя при этомъ не высказать одного опасенія, которое невольно приходитъ на мысль при размышленіяхъ о современныхъ явленіяхъ жизни народной. Какъ бы тамъ ни было; но нельзя не признать того факта, что она, благодаря послѣднимъ важнымъ реформамъ и многимъ другимъ обстоятельствамъ, измѣняется, — и измѣняется рѣшительно, быстро... Какъ она пойдетъ и будетъ развиваться дальше? Въ томъ же ли духѣ

и направленіи, какъ прежде, или иномъ? Вѣра ли православная останется ея душою, душою этого развитія, или его поведутъ на другихъ началахъ и основаніяхъ? Вопросы важные, — можно сказать — рѣшительные для всей послѣдующей исторіи народа русскаго! — Медленность, нерадѣніе, недостатокъ энергіи и дѣятельности со стороны людей, призванныхъ охранять, воспитывать и усовершенствовать нравственно-религіозныя начала народной жизни, при такихъ условіяхъ, непростительны, — даже можно прямо сказать, — они историческій грѣхъ и преступленіе противъ народа. Промедленіе въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ обратиться въ рѣшительную и невозвратную потерю не только нравственного руководства, но и всякаго значенія и вліянія нравственнаго. Надъ этимъ стоитъ задуматься.

Свою бесѣду съ вами, питомцы нашей школы, мы заключимъ искреннимъ пожеланіемъ вамъ, къ которому, — съ увѣренностью можно думать, — присоединятся все, кому дорого наше духовное просвѣщеніе и благо нашей церкви. Мы пожелаемъ вамъ, чтобы вы съ любовью и усердіемъ не только умомъ восприняли сообщаемыя вамъ познанія, но и съ сердечнымъ участіемъ, — чтобы вы образовали въ себѣ определенно, прочно сложившіяся живыя, нравственно-религіозныя понятія, возрѣнія и убѣжденія; — пожелаемъ вамъ, чтобы вы жили и вели себя въ школѣ, не механически и тупо подчиняясь общепринятымъ правиламъ поведенія и школою установленнымъ порядкамъ, но сознательно вдумываясь въ свое поведеніе, и отдавая отчетъ въ немъ не начальству только, а прежде всего Богу и своей совѣсти, — и чтобы такимъ образомъ вы вышли изъ школы знающими, разумными, энергическими и совѣстливыми служителями церкви Божіей, — а затѣмъ такими же и общественными дѣятелями на томъ поприщѣ, на которомъ каждому изъ васъ укажетъ Господь жить и трудиться. Аминь.

Сорокодневное поминовеніе княгини Елисаветы Петровны Долгоруковой. Слово въ 40-й день по кончинѣ ея *). Въ настоящій день привлекла насъ въ сей св. храмъ усопшая раба Божія княгиня Елисавета. Думаю, что присутствующіе здѣсь все съ любовью посѣщали ее въ домѣ, когда она жила еще на землѣ. Жаль отпускать съ земли тѣхъ, кого привыкли уважать и любить за умъ доблестный, благородство чувствованій, доброту сердца и благотворное вліяніе на все близкое къ нимъ и ихъ окружающее. Не всегда, и не вездѣ можно встрѣчаться съ такими личностями, онѣ, какъ прекрасныя цвѣты, являются на нивѣ Божіей и, далеко разливая свое благоуханіе, красотою своею оживляютъ и украшаютъ темную сторону жизни, а отходя съ земли по волѣ Вседержителя, какъ падающія звѣзды оставляютъ за собою свѣтлый путь.

Такова была почившая княгиня Елисавета Петровна. Свѣтлый умъ ея, обогащенный разнородными познаніями, просвѣщенный и освященный православною вѣрою, живое и искреннее сочувствіе ко всякому разумному и полезному предпріятію, ко всякой благой и свѣтлой мысли, глубокое отвращеніе отъ всего низкаго, недостойнаго — украшали ея душу и привлекали къ ней любовь и уваженіе всехъ, кто имѣлъ случай ознакомиться съ нею. Издавна, не богатая здоровьемъ, при

*) Произнесено въ церкви преп. Сергія на Дмитровкѣ, председателемъ Общества Любит. духовн. просвѣщ. о. протоіереемъ Іоанномъ Николаевичемъ, Рождественскимъ 1878 года, октября 28.

богатствѣ стремленій ко всему честному, доброму и святому, доколѣ она была въ силахъ, доколѣ недуги и болѣзни не обнаружили въ ней своей сокрушительной силы, она не любила оставаться только спокойною зрительницею благой дѣятельности другихъ, а старалась расположить къ тому, зная, что блага общія могутъ возрастать и утверждаться только совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ силъ.

Въ глубокомъ убѣжденіи, что безъ вѣры евангельской нельзя ни угодить Богу, ни достигнуть нравственнаго совершенства, ни даже устроить правильно земную жизнь, она съ особеннымъ внушеніемъ относилась къ дѣлу распространенія и утвержденія вѣры и евангельской нравственности во всехъ сословіяхъ, начиная съ низшаго и кончая высшимъ, которое, по ея убѣжденію обязано быть руководителемъ въ вѣрѣ и благочестіи меньшихъ и по положенію общественному низшихъ братій своихъ.

Для сего она считала и своимъ долгомъ, и долгомъ всякаго благомыслящаго человѣка распространять въ народѣ чистыя, неискаженные еумудріемъ истины вѣры посредствомъ распространенія книгъ духовно-нравственнаго содержанія, въ которыхъ содержится чистое ученіе православной церкви. Плодомъ такой настроенности ея духа было основаніе при Общ. Люб. Дух. Просв. особаго отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. По приглашенію покойной княгини составилъ кружокъ, сначала изъ родныхъ ея, потомъ и изъ другихъ постороннихъ лицъ, которыя при просвѣщенномъ вѣрою и наукою умѣ достойно оцѣнили и сочувственно отнеслись къ ея стремленіямъ, и развивая ея намѣренія, привлекли къ участію въ своей многополезной дѣятельности высшія государственныя силы, начиная съ Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны, принявшей подъ свое покровительство это духовное подвижничество.

Столь же искреннее участіе принимала покойная княгиня въ мисіонерскомъ дѣлѣ по внутренней связи его съ дѣломъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Книгоноши — это мисіонеры для христіанскихъ населеній, складъ книгъ духовно-нравственныхъ — это станы мисіи. Въ послѣдній годъ жизни любимый разговоръ покойной княгини былъ о мисіонерствѣ и объ успѣхахъ его, неотступная душевная забота ея — объ умноженіи матеріальныхъ средствъ для успешнаго дѣйствованія мисіи внутри и внѣ Россіи. Вотъ нѣкоторыя болѣе яркія и выдающіяся черты изъ жизни княгини Елисаветы Петровны. Ихъ достаточно чтобы видѣть, что она жила на землѣ не даромъ и стояла высоко въ обществѣ не праздно.

Для любящихъ и почитающихъ — усопшую княгиню воспоминаніе объ ея христіанско-благотворной дѣятельности да будетъ утѣшеніемъ въ горестной разлукѣ съ нею, и для всехъ поученіемъ.

Но есть другаго рода воспоминаніе, болѣе утѣшительное и благотворное: это молитвенное поминовеніе усопшей, для котораго мы теперь собрались въ храмъ Божіемъ. Поминовеніе усопшихъ въ вѣрѣ есть одно изъ древнѣйшихъ учрежденій православной церкви. Начало его восходитъ къ временамъ церкви Вѣхозавѣтной, въ Новозавѣтную вошло оно при самомъ ея открытіи. Въ древнѣйшей литургіи апостольскихъ временъ — литургіи ап. Такова молитвенное поминовеніе усопшихъ составляетъ одну изъ существенныхъ ея принадлежностей. Во времена мученичества на гробахъ мучениковъ и другихъ почившихъ въ вѣрѣ совершались панихиды, т. е. все-

нощныя бдѣнія, на которыхъ среди молитвъ и псалмопѣнія читались жизнеописанія святыхъ и страданія мучениковъ, для подражанія вѣрѣ и жизни ихъ, какъ заповѣдалъ апостолъ.

Въ этомъ учрежденіи (т. е. поминовеніи усопшихъ) выражается христіанская николи же отпадающая любовь къ отшедшимъ въ другой міръ, стремящаяся не только найти себѣ утѣшеніе въ воспоминаніи почившаго, но и подать ему дѣятельную помощь и утѣшеніе силою молитвы. Молитвенное поминовеніе усопшихъ, особенно соединенное съ приношеніемъ безкровной жертвы, для всѣхъ благопотребно и благотворно; для душъ, не вполне очистившихся въ жизни отъ грѣховъ, ходатайствуетъ оно объ очищеніи и отпущеніи грѣховъ, а душамъ очищеннымъ, благочестивымъ даруетъ освященіе Божественною кровію, излитною на крестѣ за грѣхи міра и подобно съ тѣмъ возвышаетъ блаженство ихъ. Это не предположеніе, негаданіе, но твердая, непреложная истина. По слову Божіе открываетъ намъ, что кровь І. Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.

Для тѣхъ, кто здѣсь причащается Тѣла и Крова Христовой въ оставленіе грѣховъ и въ освященіе души и тѣла понятно это дѣйствіе причащенія, т. е. они постигаютъ вѣрою и ощущаютъ сердцемъ, что въ пречистыхъ тайнахъ приеждютъ Христа подъ кровъ души своей.

Не столь яснымъ, можетъ быть, для иныхъ представляется то, какимъ образомъ приношеніе безкровной жертвы здѣсь, на землѣ, можетъ сообщать и очищеніе отъ грѣховъ, и освященіе тѣмъ, которые уже съ земли перешли въ другой міръ и здѣсь не могутъ уже тѣлесно приобщаться св. Христовыхъ Тайнъ.

Для такихъ прежде всего должно сказать, что это тайна Божія, а тайна не терпитъ испытанія, потому что оно бесполезно. При всѣхъ испытаніяхъ тайна останется тайною не прозримою для ума. Но въ эту тайну вносить нѣкоторый свѣтъ одинъ изъ великихъ святыхъ учителей православной церкви, объясняя тайну вѣры тайною природы. Когда виноградъ, говоритъ онъ, цвѣтетъ въ виноградникахъ, то жизненная сила его, разливаясь далеко на поверхности земли, протекаетъ подъ землею и приводитъ въ броженіе вино въ подвалахъ заключенное въ бочкахъ. Подобно тому сила таинства животворящаго Тѣла и Крова Христовой, совершаемаго на нашихъ престолахъ, проникая сквозь могильные заклёпы, производитъ животворное и очистительное дѣйствіе въ душахъ, отшедшихъ отъ насъ въ другой міръ.

Вотъ почему православная церковь во все времена, начиная съ апостольскихъ, признавала и признаетъ очень важнымъ поминовеніе усопшихъ при совершеніи литургіи.

Но поминовеніе усопшихъ имѣетъ и другое важное значеніе. Оно есть торжественное исповѣданіе вѣры въ личное безсмертіе души. Вѣра въ личное безсмертіе столь необходима для жизни нравственной, что съ утратою ея утратится все, что есть высокаго въ духѣ человѣческомъ и великаго въ дѣлахъ человѣческихъ; святое чувство добра погаснетъ въ сердцѣ; всякое дѣло разумной свободы будетъ оцѣниваться по степени удовольствія или пользы, имъ доставляемой; добродѣтель сдѣлается коммерческою, торговою, промышленною. Въ самые подвиги самоотверженія, если они и возможны безъ этой вѣры, будетъ непременно входить расчетъ.

Въ наше время вѣра, въ личное безсмертіе, какъ и все святое, высокое, божественное, подвергается нерѣдко нападеніямъ невѣрія подъ прикрытіемъ науки. Но основанія этой

вѣры тверды, незыблемы. Она основывается и на природѣ души человѣческой, и на природѣ всѣхъ вещей, и утверждается словомъ Божіимъ вѣрнымъ и всякаго пріятія достойнымъ. Не пускаясь въ многообразныя доказательства, изъ строгаго наблюденія надъ жизнью нельзя не видѣть, что духъ человѣческой созданъ для вѣчности, и что настоящая жизнь есть только начало, за которымъ слѣдуетъ безконечное продолженіе. Опытъ вѣковъ и тысячелѣтій показываетъ, что ничто здѣсь не достигаетъ зрѣлости и совершенства. Умъ ищетъ истины, но его познанія не имѣютъ ни полноты, ни твердости; воля стремится къ добру, но земная добродѣтель не имѣетъ ни должной чистоты, ни постоянства, ни силы; сердце жаждетъ счастья, но все, что открыто, придумано и изобрѣтено для счастья людей, не только не утоляетъ жажды его, но подобно морской водѣ усиливаетъ ее. Нѣтъ человѣка, который бы могъ сказать самъ себѣ: я имѣю все, больше ничего не надобно. Напрѣтивъ, успѣхъ рождаетъ надежду большаго, пріобрѣтенія располагаютъ къ исканію, желанія удовлетворенныя возбуждаютъ новыя. И въ семъ отношеніи юноша на зарѣ, и старецъ на закатѣ жизни совершенно одинаковы. Не ясно ли это свидѣтельствуется, что здѣсь все для насъ только начинается, что и самая жизнь есть только начало нашего бытія?

Конечно, сказанное теперь мною ни для кого изъ васъ не новость; я сказалъ о личномъ безсмертіи только то, что давно извѣстно. Но въ томъ и дѣло, что истина не можетъ быть изобрѣтеніемъ новымъ; она стара, какъ вѣчность, она совѣчна уму Божію и современна уму человѣческому. Можно подавить ее неправдою; тогда умъ обезумѣетъ: но уничтожить нельзя; подавленная въ одномъ умѣ, она живетъ свободно въ другихъ.

Оканчиваю слово: кто въ церкви, тотъ вѣритъ въ Бога, кто вѣритъ въ Бога, тотъ не можетъ не вѣрить въ личное безсмертіе души тѣлесной, и не можетъ не молиться объ упокоеніи душъ усопшихъ.

Вознесемъ же совокупную молитву о упокоеніи души усопшаго рабы Божія княгини Елисаветы! Аминь.

Протоіерей Я. Д. Головинъ (Некрологъ). Ноября 16, въ 2 часа ночи, скончался отъ аневризма, ординарный профессоръ Петровской академіи, магистръ богословія, протоіерей Яковъ Даниловичъ Головинъ. Покойный былъ настоятелемъ академической церкви, профессоромъ богословія въ академіи и законоучителемъ въ лицей Цесаревича Николая. Онъ участвовалъ во многихъ благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ и былъ предѣдателемъ Общества пособія нуждающимся студентамъ академіи. Со смертію о. Головина несостоятельныя поборниковъ своихъ матеріальныхъ интересовъ.

18 ноября, въ домовою церкви Петровской академіи происходило отпѣваніе тѣла умершаго протоіерея. Литургію и панихиду по покойномъ совершалъ преосвященный Амвросій, викарій московскій, епископъ дмитровскій, въ сослуженіи съ настоятелемъ Данилова монастыря, архимандритомъ Амфилохіемъ, при четырехъ протоіереяхъ, четырехъ священникахъ и прочихъ лицахъ духовенства. Въ концѣ панихиды, надъ гробомъ покойнаго, преосвященный Амвросій произнесъ прочувствованное слово, указавъ на заслуги о. Іакова не только какъ служителя алтаря и проповѣдника, но и какъ профессора и общественнаго дѣятеля, котораго онъ, преосвященный, «не знаетъ кѣмъ замѣ-

нить для академіи». Около часа пополудни тѣло было вынесено на рукахъ преподавателями и студентами къ зданію аудиторій, гдѣ отслужена литія архимандритомъ Амфилохіемъ, провожавшимъ покойнаго пѣшкомъ до самой могилы, на Ваганьково кладбище. Въ огромной толпѣ провожавшихъ, не говоря о всѣхъ служащихъ и студентахъ академіи, находилось множество прибывшихъ изъ Москвы и окрестныхъ академіи имѣній и дачъ. Экипажамъ, собственнымъ и наемнымъ, не было конца. Тѣло доставлено на кладбище чрезъ Петровскій паркъ и Ходынское поле. Когда тѣло было уже предано землѣ и могила приняла извѣстную форму, воцарилось гробовое молчаніе, длившееся минуты три, четыре. Наконецъ, находившійся тутъ почтенный представитель академіи, Ѳ. К. Арнольдъ, подавленнымъ отъ волненія голосомъ произнесъ видимо неподготовленную, но задуманную рѣчь. Въ короткихъ словахъ онъ изложилъ всѣ хорошія стороны покойнаго, и чѣмъ онъ былъ для академіи. Потерю въ немъ онъ назвалъ великою для академіи, далъ ему имя «миротворца», сказалъ, что и онъ въ трудныя годы пользовался его добрыми совѣтами, что студентамъ онъ помогалъ щедрою рукою, что своимъ обширнымъ знакомствомъ онъ поддерживалъ образованное имъ вмѣстѣ съ другими общество вспоможенія бѣднымъ студентамъ академіи, президентомъ котораго онъ состоялъ съ его основанія до самой смерти, что Іаковъ Даниловичъ, въ полномъ смыслѣ слова, былъ *человѣкъ*. Іаковъ Даниловичъ скончался на 57 году жизни. Послѣ себя онъ оставилъ вдову, замужнюю дочь и троихъ сыновей, изъ которыхъ двое еще учатся. За часъ до смерти онъ былъ очень веселъ, вель оживленный разговоръ съ родными и шутилъ съ сидѣвшимъ у него академическимъ врачомъ. Проводивъ послѣдняго, — онъ легъ спать, но чрезъ часъ его уже не стало. Обычный въ тѣхъ случаяхъ, когда умираютъ духовныя лица, печальный звонъ церковнаго колокола, среди ночной тишины, возвѣстивъ о томъ, кто выбылъ изъ академической семьи. (Русск. Вид.).

Въ отдѣлѣ по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ поступило по подписному листу члена отдѣла свящ. І. Виноградова (на сей 1878 годъ) взносы: отъ Н. И. Мамонтова 10 р., отъ М. И. Соболева 5 р., отъ А. С. Спиридонова 6 р., отъ Вас. Як. Орлова 3 р., отъ П. Ерм. Лубьева 10 р., отъ Ник. А. Юрьева 5 р., отъ Ольги Кир. Васильевой 1 р., отъ Вик. И. Горшанова 10 р., отъ княгини О. П. Мешерской 10 р., отъ князя С. С. Урусова 5 р., отъ П. Л. Слезкина 1 р., отъ Θεод. Мих. Димитріева 5 р., отъ Ал. Ал. Филатова 4 р., отъ Вячесл. Д. Смирнова 3 р., отъ Ив. Г. Крюкова 1 р., отъ Ив. Сергѣев. Алексѣева 1 р. Итого 80 р.

О П Е Ч А Т К И :

На стр. 421 въ 11-й строкъ снизу, напечатано: разлучатся, читай: разлучаться, на стр. 422 въ 23 строкъ, напечатано: противность, читай: противное; въ 6-й стр. снизу напечатано: возвратится, читай: возвращается; на той-же стр. во 2 столбцѣ 20 строкъ, напечатано: благодатію, читай: благостію; на стр. 423 строкъ 31 напечатано: приноситя, читай: приносится.

При семь прилагается № 33-й Официальнаго Отдѣла.

Редакторъ протоіерей

Типографія Л. Ѳ. Снегирева

Цензоръ

В. Рождественскій.

На Остоженкѣ, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Архимандритъ Амфилохій.

ОТЪ СОВѢТА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Совѣтъ Общества Любителей духовнаго просвѣщенія сямъ приглашаетъ членовъ Общества въ годичное собраніе, имѣющее быть въ воскресенье, 10 декабря (вмѣсто 26 ноября) сего 1878 г. въ залѣ Епархіальной библиотеки, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

въ 1879 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ «Православное Обозрѣніе», учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей.

Подписка принимается: въ Москвѣ, у редактора журнала священника при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію «Православнаго Обозрѣнія», въ Москвѣ.

Цѣна «Православнаго Обозрѣнія» за 1875, 1876 и 1877 г. остается прежняя, т. е. 7 руб. съ перес. за годъ.

ВЪ РЕДАКЦІИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

1) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 коп., съ перес. 1 руб.

2) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго. Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.

3) Полные экземпляры «Православнаго Обозрѣнія» за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы — по 2 руб. безъ пересылки, 1865, 1866 и 1869 — по 3 р. безъ пересылки, 1867, 1868 и 1871 по 4 руб. безъ пересылки, 1870, 1872, 1873 и 1874 по 5 руб. безъ пересылки, а за четырнадцать лѣтъ 1861—1874 — сорокъ пять рублей. На пересылку прилагается за каждый годовой экз. за 8 ф., а за 14 лѣтъ — за 100 фунтовъ — по разстоянію.

Редакторъ-издатель свящ. П. Преображенскій.

Вышла въ свѣтъ книга: *Сочиненіе Оригена противъ Пелса*. Опытъ изслѣдованія по исторіи литературной борьбы христіанства съ язычествомъ. Н. Лебедева, Москва 1878.

Продается въ Московской духовной семинаріи (Баретный рядъ), у помощника инспектора Ивана Васильевича Троицкаго и въ книжныхъ магазинахъ. Цѣна 1 р. 25 к. пересылка за 1 ф.

Новая книга: *О происхожденіи Евангелій*, Н. Троицкаго. Сочиненіе, удостоенное степени магистра богословія отъ совѣта Московской духовной академіи послѣ публичной защиты. — Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50. Продается въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Ферантита, на Никольской улицѣ.